

ВОЙНА

Цѣна отд. № 15 коп.
III-й ГОДЪ ИЗДАНІЯ.

НОВЫЙ САТИРИКОН

№ 31

ЕЖЕНЕДѢЛЬНОЕ ИЗДАНІЕ

1915

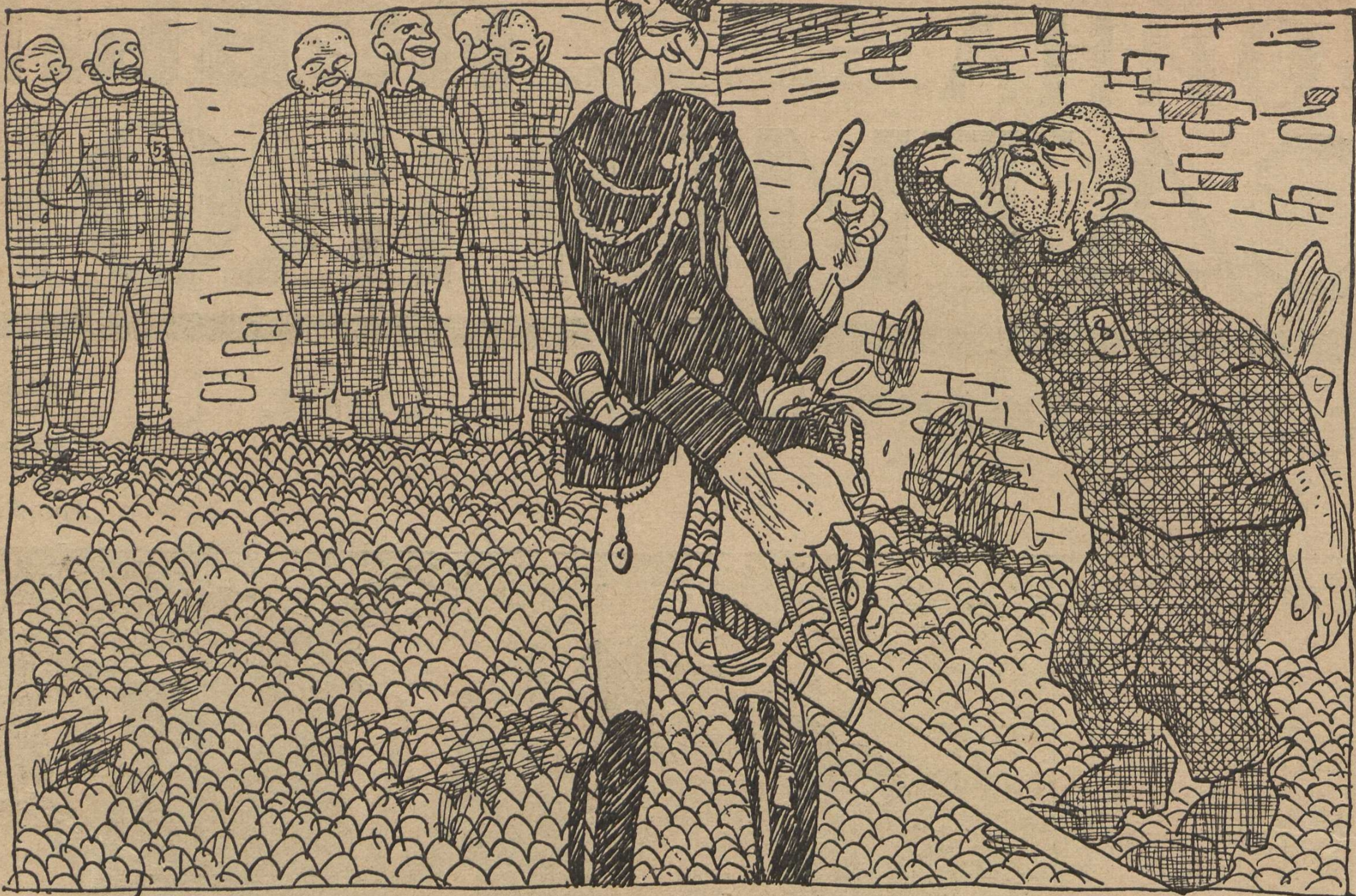
30 ЮЛЯ.

Рис. Ре-ми.

КЪ ОТКРЫТІЮ ДУМЫ.

Родзянко: — Свой багажъ оставьте въ передней, въ залъ не берите. Да, да, — и вы, г. Марковъ, еврейскую голову и вы, г. октябристъ, свой лакейскій картузь.

Кронпринцъ: — Служите честно! Помните, что нѣтъ выше званія — нѣмецкаго солдата.

ОСТАВЛЕННЫЙ.

Томясь отъ знойныхъ облаковъ,
Молилъ о влагѣ смятый колось,
И у обрыва, средь кустовъ
Какъ будто плакалъ чей-то голось.
А туча съ полной чашей росъ
Покорная незримой волѣ,
Съ тоской невыплаканныхъ слезъ
Ушла въ томлени жгучей боли,
Не смѣя вылить свой елей...
Иду... Тропинка стала круче...
Въ душѣ безмолвіе полей
И боль несомней плакать тучи...
Въ груди тупая рѣзь... Къ глазамъ
Порой бѣгутъ цвѣтныя пятна...
Зной истомилъ, прильнувъ къ устамъ,
А даль душна и необъятна...
Вчера ль былъ бой, позавчера?...
Мнѣ память время не хранила, —
Она, какъ скорбная сестра,
Рѣсницы глазъ моихъ закрыла,
Но не для смерти... Въ жуткомъ снѣ
Она мои лѣчила раны
И, тучь согнавши караваны,
Росой кропила въ тишинѣ...
И сберегла... Спускаясь внизъ,
Я узнаю ужъ косогоры:
Здѣсь были высланы дозоры,
А послѣ тамъ упалъ киргизъ,
Со мной въ штыки бѣжавшій рядомъ
И все косившій злобно взглядомъ,
А дальше, вѣрно, я упалъ
И ползъ съ дороги къ сѣрой грудѣ,
Боясь попасть подъ бѣгъ орудій,
И тамъ же тихо засыпалъ...
Иду... Зной никнетъ паутиной...
Въ душѣ безмолвіе полей,
Но чувство жизни сходитъ къ ней
Красивой радостью звѣриной...

Сергій Михѣевъ.

БОЛГАРІЯ.

(Тема для фельетона.)

Это было сравнительно не такъ давно. Они приходили по чернымъ лѣстницамъ и молча совали кухаркамъ какую-то коричнево-рыжую бумагу съ непонятными словами и добрымъ десяткомъ сургучныхъ и другихъ печатей.

— Баринъ, а баринъ... Тамъ какой-то человекъ пришелъ, мычитъ и бумагу тычетъ. А самъ безъ разговору.

— Нѣмой, что ли?

— А кто его знаетъ... Спрашивала — не отвѣчаетъ.

— Дайте.

На странномъ интернаціональномъ языкѣ, скучно, какъ плакаты съ просьбой не курить и не плевать на полъ, бумага рассказывала, что податель ея — болгарскій подданный, у котораго турки отрѣзали языкъ. Печать посольства, греческой таможни и Ергачевского волостного управления.

— Дайте ему. Ъсть дайте.

— Давала!

— Ну?

— Мычитъ.

Ихъ было очень много. И въ большихъ городахъ, и въ деревняхъ, и на дачахъ. И у всѣхъ создавалось представленіе, что если проходить, даже мимо, болгаринъ — у него непременно нѣтъ языка; а если нѣтъ языка, то онъ не просто потерялъ его во время какого-нибудь увлекательнаго спора или за чтеніемъ газеты, а искусно вырѣзанъ янычарами.

Послѣ десятка такихъ приходовъ черезъ черный ходъ, почему-то думалось, что вся жизнь Болгаріи носитъ крайне несложный характеръ: правленія нѣтъ, образованія тоже, промышленность еще не образовалась. Есть только маленькая группа людей съ языками, большая безъ языковъ и средняя группа изъ янычаръ и не занятыхъ другой работой людей различныхъ національностей, которая медленно, но вѣрно вырѣзываетъ языки, записывая все это несложное дѣлопроизводство въ особыя счетныя, прошнурованныя и пронумерованныя книги.

Намъ это было простительно. Развѣ кто-нибудь зналъ, что кромѣ Балканскаго вопроса существуютъ еще и балканскія государства?

Свѣдѣнія о нихъ были всегда односложны и малоубѣдительно: кого-то и кто-то вырѣзаль. Совершалось это сухо,

безпрерывно и съ переменнымъ счастьемъ. Если вырѣзающій по разсѣянности останавливался, достаточно было малѣйшаго пустяка, чтобы начинали вырѣзать и его самого. Иногда для урегулированія событій начинали вести какіе-то переговоры, послѣ которыхъ вырѣзыванье принимало еще болѣе интенсивный характеръ. Дипломатическія ноты создавали прекрасный аккомпанементъ для такихъ балканскихъ развлеченій.

Болгарія держалась опредѣленной политики: если ее не рѣзали, она рѣзала сама, но жаловалась постоянно. Дипломаты европейскихъ державъ сначала относились сочувственно.

— Ну-съ, какъ поживаете?

— Мерси. Вырѣзываемся.

— Кто же это васъ? Гдѣ?

— Немножко слѣва, немножко въ серединѣ, очень много снизу....

— Какая гадость... Заступимся....

— Будьте милостивы....

Дипломаты заступались. Когда требовали доказательствъ, представлялись выжженные сербскія деревни....

— Постойте... Да вѣдь это же сербы....

— Сербы и есть....

— А вы — болгары....

— Что же, отъ этого намъ легче?..

— А кто же напалъ на сербовъ?

— Ну, мы....

— Что же вы жалуетесь?..

Болгарскіе дипломаты ѣздили въ третьемъ классѣ совѣтоваться въ Вѣну и отвѣчали:

— Нечаянно. Думали, что турки.

— Кто турки?

— Сербы.

— Почему же вы думали?

Болгары запрашивали заказнымъ письмомъ совѣтъ изъ Берлина. Ждали и, получивъ, объясняли:

— Это греки.

— Кто греки?

— Которые рѣжутъ.

— Кого рѣжутъ?

— Насъ. Вотъ и свидѣтельство есть. Печать.

— Да вѣдь это же на сербской границѣ,...

Ждали еще немного.

— Заступитесь ужъ... Будьте милостивцами....

Заступаться надоѣло. Болгарскіе дипломаты временно перестали ночевать въ коридорчикахъ европейскихъ посольствъ. Послѣдній разъ попросили помощи во время войны съ турками.

— Помогите... Будьте милостивцы....

— Да вѣдь вы же побѣждаете....

— Рѣжутъ....

— Кого? Васъ?

— А если не насъ, такъ это весело?

— Кому же помогать?

— Намъ... Потомъ рѣзать будутъ.

Помогли....

И вдругъ пришло время, когда вырѣзанные языки вернулись на свои мѣста, болгарскіе дипломаты стали ѣздить на извозчикахъ, звонить въ электрическіе звонки парадныхъ входовъ и разговаривать съ послами европейскихъ державъ, хоть и стоя, но зацѣпивъ немытыми руками за жилетные карманы.

— А у насъ курьезъ вчера большой былъ... Нѣмецкое оружіе къ туркамъ пропустили... Много....

— Зачѣмъ же вы это дѣлаете?

— Такъ... Свои люди — сочтемся. Три подводныхъ лодки привезли... Швейныя машины, говорятъ... А мы и виду не показываемъ....

— Турокъ любите?

— Веселый народъ... Смѣху сколько съ ними... Бывало, это налетятъ, выжгутъ, вырѣжутъ, наизнасилуютъ... Такіе работяги....

— А какъ же Россія?..

— Что Россія? Мы имъ оружіе не провозимъ....

— Я не про то... А помните, въ 77 году, когда васъ...?

— Ну, кто старое помянетъ — тому глазъ вонъ....

— Это вы вѣрно. Глаза мало. Многимъ и голову надо вонъ....

— Это вы о комъ?

— Такъ. О нѣкоторыхъ... И много получаете?

— Съ кого?

— Да съ кліентовъ. Съ турокъ, съ нѣмцевъ....

— Сначала по таксъ пробовали. Тридцать сребренниковъ за каждый пропускъ. Такъ, говорятъ, ужъ изстари ведется. Іуду какого-то въ примѣръ ставили....

— Ну, а вы что?

— Да ужъ извините... Мы сами себѣ іуды... Свой тарифъ выработали....

— А что послѣ будетъ?

— Когда послѣ?

— Ну, когда война кончится?

— Жаловаться будемъ....

— Кому же?

— Туркамъ.

— А если турки будутъ рѣзать?

— Вамъ.

— Намъ? Намъ, говорите?... Намъ?...

Послѣ такихъ бесѣдъ въ Софію приходили о нихъ отчеты съ неизмѣнной припиской въ концѣ:

— Обращеніе было вѣжливое, разговоръ непринужденный, но швейцары грубые. И на улицахъ прохожіе смѣялись. Лѣвый рукавъ потеряли. Вышлите на фракъ. Въ разсрочку....

* * *

Недавно въ газетахъ было напечатано, что въ Румыніи задержанъ военный грузъ для Турціи, пересланный какъ личная посылка царя Фердинанда. Потомъ жуткія газеты нашего времени сообщили еще, что Болгарія предложила Германіи переправить нѣсколько тысячъ моряковъ подъ видомъ туристовъ....

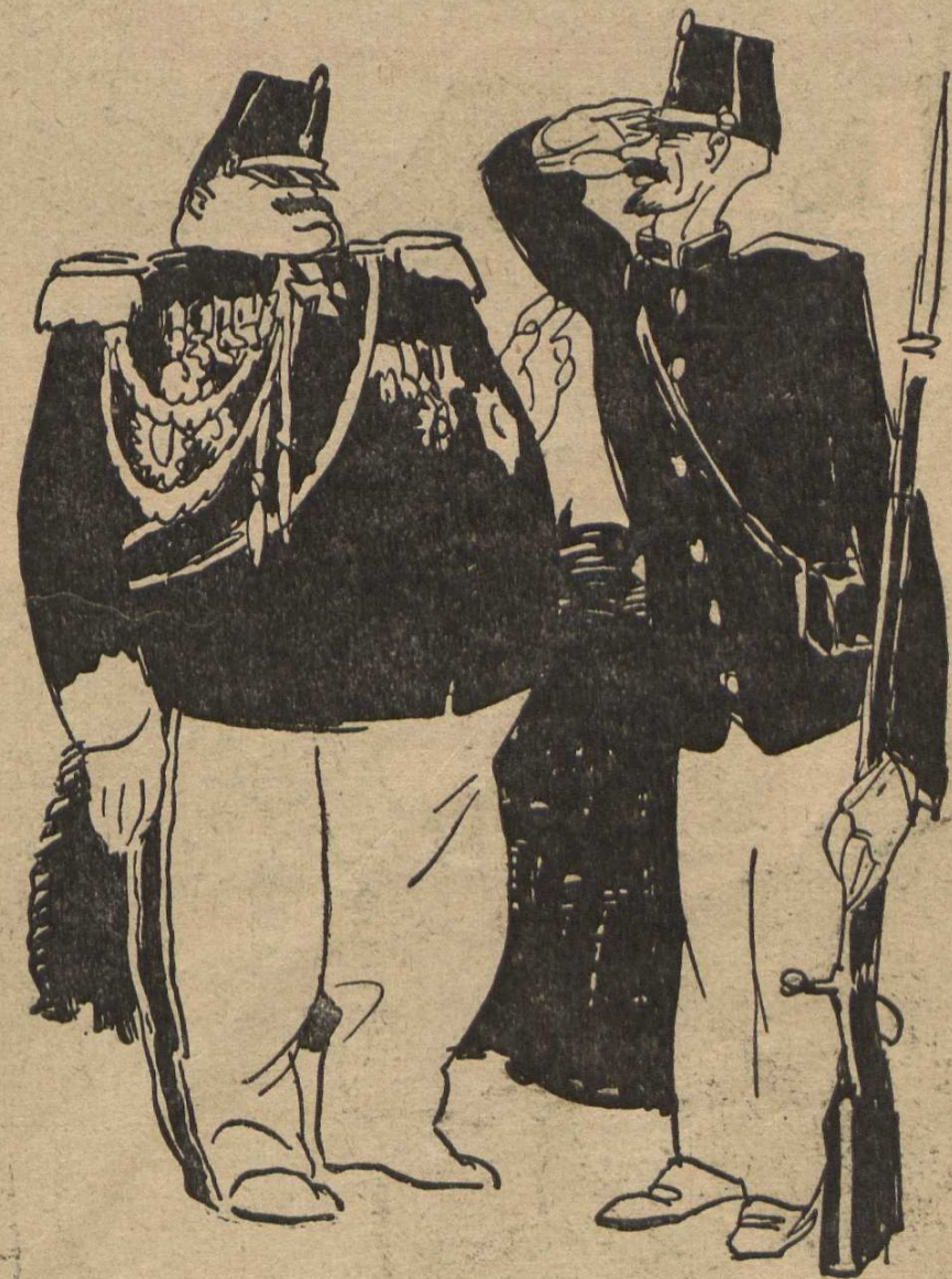
Часто опускаются люди... Каждого человѣка можно представить въ холодный декабрьскій день — въ рваномъ пиджакѣ, съ посинѣвшимъ отъ холода носомъ, въ примятой шляпчонкѣ, бьющимъ себя кулакомъ въ грудь:

— Подайте бывшему человѣку....

Но развѣ можно представить себѣ въ такомъ видѣ цѣлое государство?!

Арк. Буховъ.

Рис. А. Ю

НѢМЕЦКАЯ ДИСЦИПЛИНА.

Генераль: — Какъ ты смѣешь, курить, каналья?! Не знаешь устава?!

Солдатъ: — Я думалъ... На свѣжемъ воздухѣ можно...

Генераль: — Вздоръ! Тамъ, гдѣ есть начальство, — нѣтъ свѣжаго воздуха.

ДОМАШНІЙ ЛѢЧЕБНИКЪ.

„Мы не будемъ жалѣть, переплачивая, если будемъ увѣрены, что эти деньги пойдутъ не въ пасть акуль, а въ руки русскаго рабочаго“.
(Изъ рѣчи чл. Г. Думы гр. В. А. Бобринскаго.)

Рис. А. Радакова.

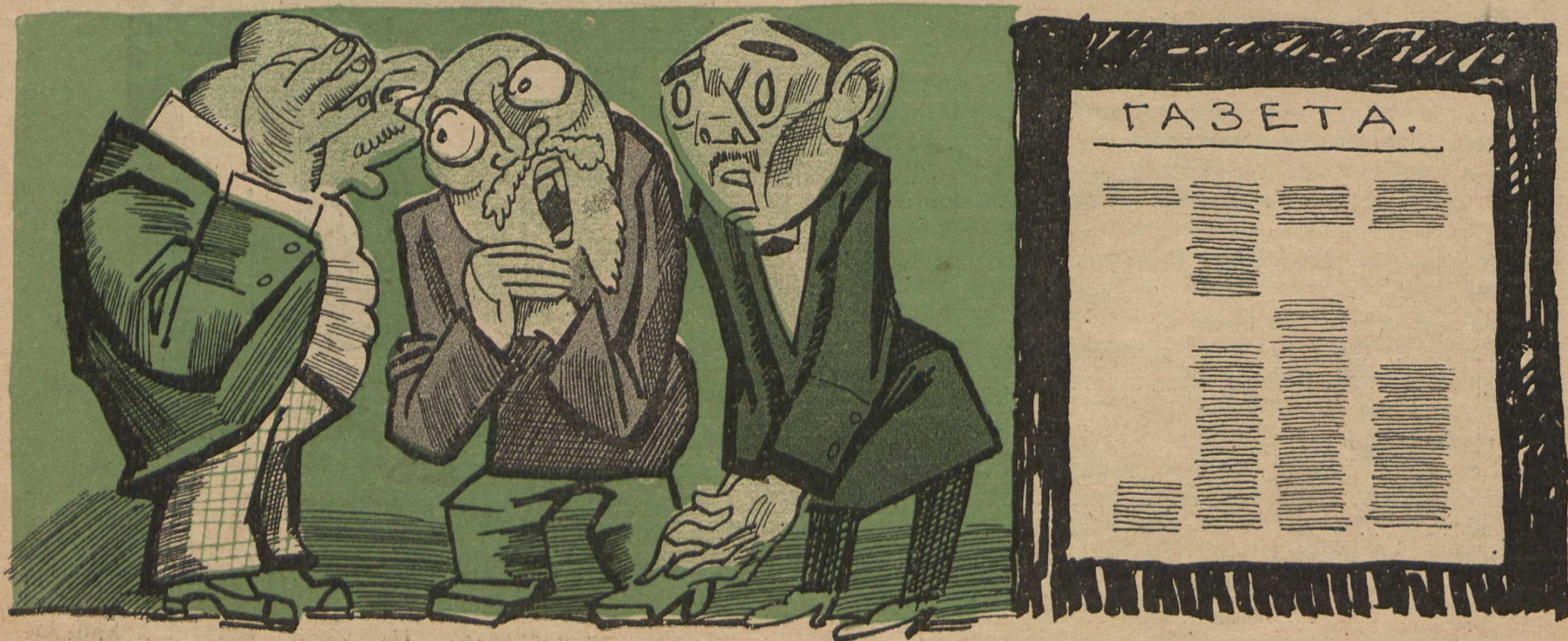
Ожирѣвшимъ людямъ, страдающимъ сахарной болѣзью, очень помогаетъ желѣзо.

Желѣзо это отнюдь не надо принимать внутрь, а, наоборотъ, надо, чтобы желѣзо приняло внутрь больного. Очень помогаетъ. Лѣчить рекомендуется сейчасъ же.

„Неправильный обмѣнъ питательныхъ веществъ“ — это когда гурты скота, идущіе въ Петроградъ, вдругъ сворачиваютъ назадъ, по приказанію мясныхъ тузовъ и господъ Пузыревыхъ.

Лѣченіе: на такого туза посадить другого туза, меньшихъ размѣровъ и заставить его идти по дорогѣ, не сворачивая въ сторону. Лѣченіе радикальное

Людей, страдающихъ маніей перешептываній и слуховъ „изъ достовѣрнѣйшихъ источниковъ“, лѣчить надо очень просто:

Просто, тамъ, гдѣ бѣлыя мѣста, — наставить этихъ... какъ ихъ?... сѣренькія такія... да, буквъ! И только!

РУГАТЕЛИ.

Лаковый хлыщъ, съ головою куриною,
Прыснетъ отъ смѣха, шепча умиительно:
— «Хлестко, каналья! Огрѣль, какъ дубиною!
Ахъ, остроумецъ, писака язвительный!»

Да, одобренье глупцовъ заслужили вы,
Всѣхъ и всепо виртуозы-ругатели.
Надо сознаться — ужъ какъ ни увиливай, —
Любить васъ публика, любятъ издатели.

Сыпля статьяи, журналами, книжками,
Вы раскупааетесь чернью духовною,
Что Пинкертона, Баркова, Глупышкина, —
Все поглощаетъ утробой безкровною.

Что вамъ завѣты? Какимъ вдохновеніемъ
Вы дорожите, альфонсы словесные?
Вы обличаете съ бурнымъ біеніемъ
Въ груди пустыя, какъ будто бы честныя.

Вдругъ вознесете и вдругъ развѣнчаете,
Глядя по выгодѣ, вѣяньямъ, времени,
Слабыхъ лягаете, сильнымъ виляете, —
Плюй вамъ въ лицо или бей васъ по темени.

Кто вами не былъ обруганъ при случаѣ?
Мутная злоба бурлитъ въ васъ, какъ въ кратерѣ.
Вы для словца опоганите лучшее,
Не пожалѣете брата и матери.

Тутъ передернете, тамъ не доскажете,
Здѣсь ошельмуете плоской остроюю.
И, унавозивъ печатныя пажити,
Дремлете сыто, съ довольной икотюю.

Охъ, присосались къ душѣ, какъ пѣявицы,
Всѣмъ надоѣли, какъ мухи жужжація.
Какъ же отъ васъ, паразитовъ, избавиться?
Господи! Гдѣ же они — настояціе!

Дмитрій Цензоръ.

ПЕРЬЯ ИЗЪ ХВОСТА.

Что нововременскій В. Розановъ пишетъ о нѣмцахъ теперь:
„Техника, машины — остались: духъ, поэзія, философія —
угасли; производство — великолѣпно, производители — омерзительны.
На насъ лѣзутъ, на всю Европу пользли великолѣпно
вооруженные мошенники“.

„Вы со своимъ Моммзеномъ представляете огромную массу
тѣхъ чугуновыхъ головъ, въ которыхъ мысль пробудится лишь
разъ, когда онъ больно ушибутся“. И т. д., и т. д.

И что онъ писалъ до войны („Итальянскія впечатлѣнія“):

„Хотя я и не политикъ, и ни за союзами, ни за распрями
внимательно не слѣжу, но никогда мысль о союзѣ не билась мнѣ
такъ упорно въ голову, какъ здѣсь, среди берлинской уличной
толпы. Честно пожать руку этихъ честныхъ людей, этихъ добросовѣстныхъ
работниковъ — значитъ сразу вырости на нѣскольکو аршинъ
кверху. (Къ сожалѣнію, г. Розановъ не пишетъ точно, на сколько
аршинъ выросъ онъ по этой странной системѣ.)“

„Характеръ императора Александра I стоитъ конституціи“ —
говорили въ первое десятилѣтіе XIX в. Но ей-ей, вотъ нѣмецкій
характеръ, какъ его дала человѣчеству ихъ специальная нѣмецкая
исторія, есе ихъ прошлое — это, въ самомъ дѣлѣ, „стоитъ кон-
ституціи“, стоитъ подписаннаго договора, и, словомъ, какъ
удобно пропишите цѣнность вещи своими словами, но сохраните
ту мысль, — что „нѣмецкій характеръ стоитъ золота“. (300 стр.).

„День“, цитируя эту апологію, замѣчаетъ:

„Война съ нѣмцами нѣсколько не испугала г. Розанова. Но не потому, что онъ въриль въ побѣду надъ
ними, а потому, что умилился кротости и незлобности Германіи.“

Мы не шутимъ. — Вотъ буквальныя слова г. Розанова:

„Я бы не былъ испуганъ фактомъ войны съ нѣмцами. Очевидно, это не нервно-мстительный народъ,
который, побѣдивъ, сталъ бы добивать... Нѣмецъ еп тасс или протакъ въ политикъ, или просто у него
нѣтъ аппетита — все съѣсть кругомъ. Вотъ отчего войны съ Германіей я не страшился бы. Но

просто — чрезвычайно приятно быть другомъ или пріятелемъ
этого добропорядочнаго люда“. (301 стр.).

Почему не сдѣлать г. Розанову пріятнаго: привѣсить на грудь пла-
катъ съ приведенными восторженными строками и подарить его нѣм-
цамъ въ этомъ видѣ? То-то будетъ радость съ обѣихъ сторонъ!..

И дальше пишетъ г. Розановъ въ „Итальянскихъ впечатлѣніяхъ“:

„Ни за кого я съ такою охотой не выдалъ бы замужъ свою
дочь, какъ за нѣмца, и ни на комъ бы не женилъ съ такимъ удо-
вольствіемъ своего сына, какъ на нѣмкя“. (305 стр.).

Это отеческое стремленіе ужъ совсѣмъ не вяжется съ Розанов-
скимъ афоризмомъ послѣднихъ дней — о нѣмцахъ (см. выше): „про-
изводство — великолѣпно, производители — омерзительны“.

Впрочемъ, господа, не будемъ вмѣшиваться въ личныя, семейныя
дѣла В. Розанова — онъ самъ знаетъ, какимъ образомъ улучшить и
освѣжить свое потомство.

*
Странную рецензію написалъ въ „Бирж. Вѣд.“ г. Пьер—О о спек-
таклѣ въ „Буффѣ“:

„Очень милымъ дурнемъ (?) былъ г. Ксендзовскій. Г. Бра-
гинъ очень пополнялъ и похорошѣлъ. Въ роли короля въ первомъ
дѣйствіи онъ былъ похожъ на г-жу Кавецкую (?), а во второмъ
дѣйствіи, когда снялъ шляпу и обнажилъ кудрявый парикъ, — на
режиссера Маринскаго театра Тартакова“.

Когда Брагинъ вынималъ изъ кармана платокъ, онъ очень на-
поминалъ Зброжекъ-Пашковскую, а когда почесывалъ затылокъ, то
всѣ охали — такъ онъ былъ похожъ на Шаляпина въ „Мефисто-
фелѣ“ Бойто.

Независимо отъ вышеизложеннаго, Пьер—О отмѣчаетъ артиста,
который, какъ ракета, выдѣлился на общемъ скромномъ фонѣ:

„Обращаетъ на себя вниманіе игра г. Клодницкаго въ роли
графа Станислава. Какія величественныя позы! Свой уходъ со
сцены въ первомъ дѣйствіи онъ провѣлъ съ такимъ страшнымъ
драматическимъ подъемомъ, съ такимъ душевнымъ переживаніемъ,
выражавшимся въ львиномъ сверканіи глазъ, что многіе удивля-
лись: „для чего онъ все это дѣлаетъ, когда ему по его роли слѣ-
довало уйти со сцены просто и скромно“.

Въ кои-то вѣки человѣкъ хотѣлъ щегольнуть игрою — и то не даютъ.

*
Въ журналѣ „На досугѣ“ поэтесса И. Архангельская вѣщаетъ:

„Такъ стало жарко мнѣ отъ пламенныхъ рѣчей,
Что даже вышла я немножко просвѣжиться“...

Слушать пламенные рѣчи — пріятно; просвѣжиться — полезно.
Вотъ поэтесса И. Архангельская и соединяетъ пріятное съ полез-
нымъ...

ВО ИМЯ ГРЯДУЩАГО.

Смягчая ужасъ черныхъ дѣлъ,
Мы не посѣемъ добрыхъ зеренъ.
Хвала жъ тому, кто духомъ смѣлъ,
Прямолинейно дикъ и черенъ:
Онъ намъ привыкнуть не даетъ
Къ громамъ молніеносной тучи;
Чѣмъ больше ужасовъ, тѣмъ лучше, —
Тѣмъ ближе отрезвленья плодъ.

Врагъ человѣчества не тотъ,
Кто дикъ и черенъ въ черномъ дѣлѣ,
А тотъ, кто въ злую тьму ущелій
Свѣтъ примиренья кротко льетъ.
Пусть пережитокъ дней былого,
На зло эпохъ и мечтѣ,
Предъ нами явится сурово
Во всей ужасной наготѣ.

Да, онъ заслуживаетъ смерти
За незаконный методъ свой,
Но вмѣстѣ съ тѣмъ, друзья, повѣрьте,
Онъ — благодѣтель міровой.
Онъ намъ привыкнуть не даетъ
Къ громамъ молніеносной тучи;
Чѣмъ больше ужасовъ, тѣмъ лучше, —
Тѣмъ ближе отрезвленья плодъ.

Василій Князевъ.

Рис. Вл. Лебедева.

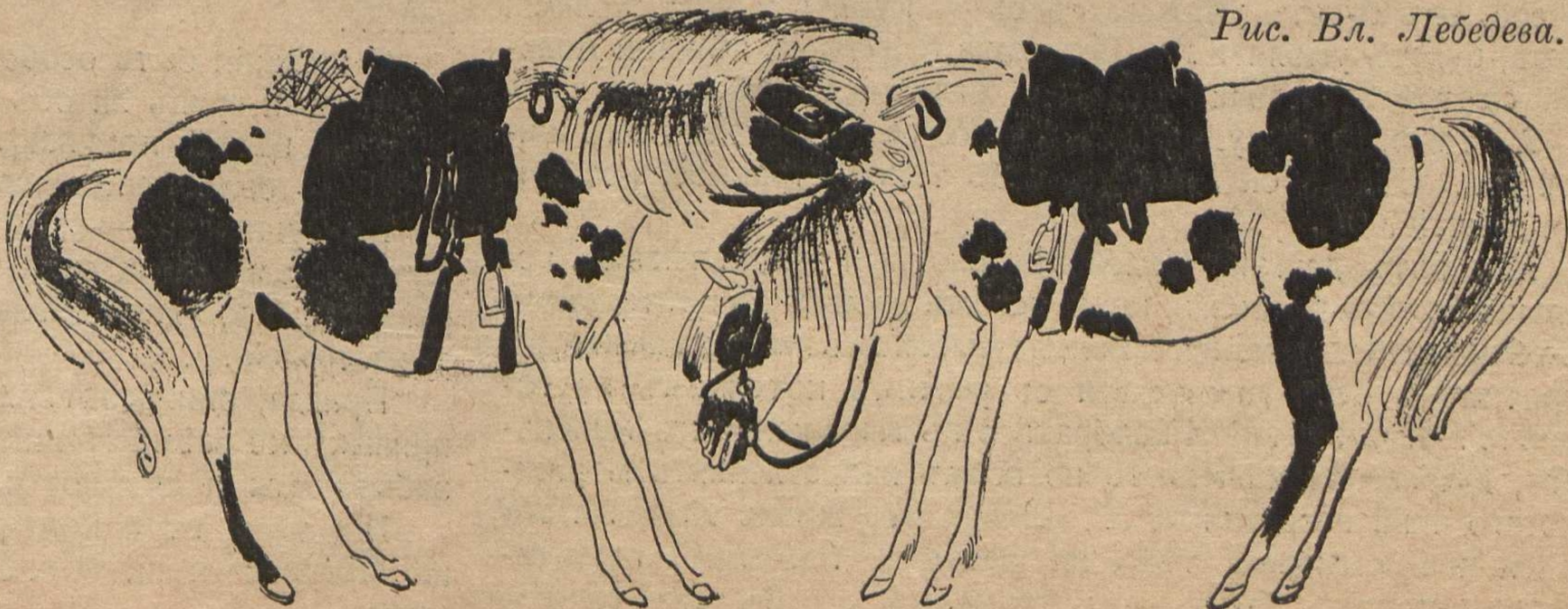

Рис. А. Юнгера.

ПОНЯТНО.

Австриец передь клеткой полудохлаго худого отъ безкормицы льва:
— Теперь я понимаю, что значить, когда въ правительственныхъ
сообщенияхъ говорится, что австрийцы дерутся какъ львы!..

КОТОРЫЕ НЕ ХОТЯТЪ ЖИТЬ, КАКЪ ВСѢ.

Вы, конечно, знаете этихъ странныхъ, несчастныхъ, удивительныхъ и нелѣпыхъ людей, которые не хотятъ жить, какъ всѣ...

Они никому, никогда не говорятъ объ этомъ, но этого не могутъ скрыть ихъ видъ, ихъ внѣшность, костюмъ, занятія...

Обыкновенно, въ каждомъ городѣ ихъ наберется съ десятокъ, не больше, а если городъ очень большой, то — съ два десятка...

Вотъ, наприимѣръ, одинъ.

Онъ старъ и сѣдъ. Носитъ крѣпкіе круглые очки въ желѣзной оправѣ. Одѣтъ въ совершенно непонятнаго покроя жакавейку, а занимается тѣмъ, что съ утра до вечера ходитъ по городу и предлагаетъ прохожимъ для лѣченія ютъ всѣхъ болѣзней сусличій жиръ... Почему сусличій жиръ? Кому нуженъ этотъ сусличій жиръ? Какъ онъ додумался до этой странной торговли? Этого вамъ не скажетъ никто... Но о сусличьемъ жирѣ старикъ готовъ говорить съ утра до вечера, онъ будетъ убѣждать васъ — купить у него сусличій жиръ, будетъ умолять... Его глаза будутъ съ нѣжной мольбой смотрѣть на васъ поверхъ желѣзныхъ очковъ...

А кто онъ? Откуда онъ взялся со своимъ сусличьимъ жиромъ?.. Отчего онъ нашель себѣ такое странное, необычное занятіе?

Или вотъ другой. Маленькій, плотный человѣчекъ въ пепельнаго цвѣта брюкахъ, коричневомъ жилетѣ съ цвѣточками, въ темно-зеленой визиткѣ, нелѣпо-высокомъ накрахмаленномъ воротничкѣ безъ галстука и съ рыжимъ котелкомъ на головѣ... Кто этотъ? Разобраться въ выраженіи его маленькаго, дряблага, изсѣченнаго по всѣмъ направленіямъ морщинастаго лица невозможно... Видно, что жизнь швыряла его маленькое комичное тѣло по разнымъ городамъ, государствамъ, можетъ быть — материкамъ... Въ его узкихъ мутныхъ, изжеванныхъ глазахъ тревожно стынуть от-

свѣты тысячъ огорченій, радостей, плановъ, впечатлѣній, надеждъ, разочарованій... Глядя на него, вы никакъ не предугадаете, на какомъ языкѣ онъ заговоритъ... Можетъ быть, на русскомъ, а, можетъ быть, на испанскомъ... А ужъ разгадать его настоящее или, тѣмъ болѣе, прошлое и совсѣмъ невозможно...

Можетъ быть, онъ старался привить оперетку въ Черниговѣ и жестоко прогорѣлъ, но можетъ быть и организовывалъ въ Америкѣ профессиональный союзъ ковбоевъ, или воспитывалъ въ Лондонѣ дѣтей баптистовъ, или торговалъ пробками въ Чифу... Все великолѣпно совмѣщается въ его морщинистомъ, мутномъ, озабоченномъ лицѣ...

И какъ онъ попалъ въ городской скверикъ именно того города, гдѣ вы живете, — совершеннѣйшая загадка...

Затѣмъ, въ каждомъ городѣ непременно находится и одинъ какой-нибудь величественный старикъ, который тоже, очевидно, не хочетъ или не можетъ быть похожимъ на всѣхъ и не хочетъ жить, какъ всѣ...

Кто онъ такой — неизвѣстно...

Чаще всего онъ высокъ, носитъ темные очки и длинную, до пятъ, старомодную крылатку. Ходитъ по улицамъ медленно и важно, ритмически постукивая крѣпкой суковатой палкой. Прогулки совершаетъ онъ ежедневно и въ точно опредѣленные часы, непременно — рано утромъ, и дѣти, спѣшащія въ училища, въ зависимости отъ того, гдѣ встрѣчаютъ старика, — уже знаютъ: опоздали ли они на уроки или нѣтъ...

Водится въ каждомъ городѣ и какой-нибудь особенный, ни на кого не похожий и обращающій на себя вниманіе франтъ. Какой-нибудь молодой человѣкъ съ блѣднымъ, безцвѣтнымъ, безразличнымъ лицомъ. Онъ носитъ желтыя ботинки, тщательно-выглаженный, но топорно-сидящій на немъ костюмъ, въ одной рукѣ держитъ бѣлыя, новыя и тщательно-охраняемыя перчатки, въ другой — палочку, набалдашникъ которой деликатно прислоняется къ плечу молодого человѣка, а на головѣ — что называется, ни съ того, ни съ сего — высится

По улицѣ онъ ходитъ степенно, маленькими шажками, немного жеманно помахиывая перчатками и неподвижно глядя передъ собою въ одну точку. громадный, нелѣпый, неуклюжій цилиндръ...

Конечно, такой франтъ весьма и весьма не богатъ... Онъ служитъ, должно быть, у нотариуса и получаетъ рублей пятьдесятъ жалованья... А зачѣмъ ему цилиндръ и бѣлыя перчатки, и зачѣмъ онъ ходитъ по улицѣ, точно шествуетъ на похоронахъ высокопоставленнаго лица — одному Богу извѣстно...

* * *

Въ послѣднее время, въ каждомъ городѣ завелось еще и по одной барышнѣ, похожей на мужчину и вызывающей въ женщинахъ — ужасъ, а въ мужчинахъ — удивленіе.

У такой барышни, обыкновенно, красивое юношеское лицо съ энергичнымъ выраженіемъ. Волосы она носитъ коротко-остриженными, шляпу — мужскую, воротничокъ и галстукъ тоже мужскіе, и на носу — пенсне...

Видъ у нея гордый, независимый, жесты размашистые, мужскіе...

А, въ общемъ, такъ странно и подчасъ грустно видѣть этихъ различныхъ, но одинаково обращающихъ на себя вниманіе, точно сговорившихся быть непохожими на всѣхъ, людей...

О желаніи быть особенными, непохожими, они никому не говорятъ и врядъ ли объ этомъ даже думаютъ... Но какой дорогой цѣной покупаютъ они это тяжелое и сладостное право — быть непохожими!..

Въ сущности — подлинными, настоящими футуристами, футуристами быта, слѣдуетъ считать ихъ, этихъ странныхъ, несчастныхъ, удивительныхъ, нелѣпыхъ и порою такихъ милыхъ людей...

Правда, они незатѣйливы, глазъ привыкъ къ нимъ, какъ привыкъ ко всѣмъ гримасамъ города; они, въ концѣ концовъ, забываются и сливаются съ толпой...

Но, вѣдь, этой конечной участи не избѣгнетъ никто — ни футуристы, ни всякіе другіе новаторы, чудачки и оригиналы...

Ефимъ Зозуля.

ВОТЪ ТАКЪ Я СДѢЛАЛСЯ СОБАКОЙ.

Жамъ. Вамъ. Имъ.

Ну, это уже совершенно невыносимо.
 Вось, какъ есть, искусанъ злобой.
 Злюсь не такъ, какъ могли бы вы:
 Какъ собака — лицо луны гололобой, —
 Взялъ бы и все обвиль.
 Нервы, должно быть. Выйду, погуляю.
 И на улицѣ не успокоился ни на комъ я.
 Какая-то прокричала про добрый вечеръ.
 Надо отвѣтить: она — знакомая,
 Хочу. Чувствую: не могу по-человѣчьи,
 Что это за безобразіе, сплю я, что ли?
 Ощупалъ себя: такой же, какъ былъ.
 Лицо такое же, къ какому привыкъ.
 Тронулъ губу, а у меня изъ-подъ губы —
 Клыкъ.
 Скорѣе закрылъ лицо, какъ будто сморкаюсь.
 Бросился къ дому, шаги удвоивъ.
 Бережно огибаю полицейскій постъ, —
 Вдругъ оглушительное: «Городовой,
 Хвостъ!»
 Провелъ рукой и остолбенѣлъ...
 Этого-то, всякихъ клыковъ почище,
 Я и не замѣтилъ въ бѣшенномъ скачѣ:
 У меня изъ-подъ пиджака развѣерился хвостище
 И вьется сзади, большой и собачій!
 Что теперь?
 Одинъ заоралъ, толпу роста.
 Ко второму прибавился третій и четвертый.
 Смяли старушонку, она, крестясь,
 Что-то кричала про чорта.
 И когда,
 Ощетинивъ въ лицо усища вѣника,
 Толпа навалилась, огромная и злая, —
 Я сталъ на четвереньки
 И залаялъ:
 Гавъ! Авъ! Авъ!

Вл. Маяковскій.

ВОЛЧЬИ ЯГОДЫ.

Нѣмцы въ Россіи.

Потрясающій фактъ сообщаетъ „Новое Время“.

„Въ саратовскомъ организаціонномъ совѣщаніи о мобилизаціи промышленности и о приспособленіи заводовъ и фабрикъ для нуждъ военнаго времени въ числѣ близкихъ участниковъ совѣщанія оказался не кто иной, какъ *германскій подданный*!“

Этотъ питомецъ Германской имперіи на русскія деньги — О. Э. Берингъ, владѣлецъ завода „Сотрудникъ“, съ удовольствіемъ согласился принять участіе въ совѣщаніи. Онъ охотно откликнулся на призывъ саратовскаго комитета бороться съ Вильгельмомъ и не замедлилъ высказать свою точку зрѣнія на российскую мобилизацію промышленныхъ силъ.

Вотъ какъ передаетъ его рѣчь на совѣщаніи „Саратовскій Листокъ“ въ № 125:

„Наша помощь, — сказалъ Берингъ, — можетъ быть ничтожной. Для изготовленія снарядовъ мы должны заводить спеціальныя машины. Нельзя даже дѣлать подковы, такъ какъ для этого нужны тоже машины. У насъ нѣтъ техническихъ приспособленій. Единственно, что мы можемъ сдѣлать, такъ это дѣлать двигатели для нуждъ обороны и дать помѣщеніе для устройства мастерской и оборудовать ее паровой силой.“

И затѣмъ Берингъ добавилъ:

„Я хотя и германскій подданный, но охотно предоставлю свой заводъ для нуждъ военно-промышленнаго комитета по своей спеціальности. Но впередъ скажу, что я нигдѣ не видалъ, чтобы рабочій сегодня дѣлалъ надгробные кресты, а завтра машины. У всякаго должна быть своя спеціальность.“

Авторъ корреспонденціи г. Ренниковъ добавляетъ:

„Я не хотѣлъ бы вдаваться тутъ въ разсужденія о томъ, допустили ли бы въ Берлинѣ, Карлсруэ или Бременѣ германцы къ обсужденію дѣла обороны государства русскаго подданнаго. Возможно, что послѣ какого-нибудь организаціоннаго совѣщанія, когда всѣ разошлись, они впустили бы въ залъ совѣщанія застрѣвшихъ въ Германіи русскихъ и заставили бы ихъ мыть полъ и собирать окурки сигаръ и папирозъ. И только. Но въ Россіи, странѣ самыхъ странныхъ возможностей, германскій подданный не только появляется на совѣщаніи отъ имени своего завода, а даже позволяетъ себѣ принципиальное обсужденіе вопроса и рѣшается осуждать въ корнѣ идею мобилизаціи указаніями на то, что онъ „не видѣлъ, чтобы рабочій сегодня дѣлалъ надгробные кресты, а завтра машины“.

А черезъ день графъ Бобринскій заявилъ съ трибуны Государственной Думы:

„Мы призываемъ общество и правительство безъ поблажекъ и исключеній, на которыя мы всегда склонны, продолжать борьбу съ нѣмецкимъ засильемъ внутри страны (аплудисменты на всѣхъ скамьяхъ), чтобы врагъ былъ изгнанъ изъ Россіи, чтобы она оказалась свободной отъ большихъ и маленькихъ Бироновъ“.

„Безъ поблажекъ и исключеній“...

Легко это говорить — безъ поблажекъ и исключеній!

Конечно, всѣ нѣмцы должны быть изгнаны изъ Россіи, но какъ, напримѣръ, изгнать Карла Ивановича Кайзерлинга, когда онъ такой хорошій человекъ, и, кромѣ того, его сестра замужемъ за княземъ Сундуковымъ; какъ изгнать Густава Вурста, если у него имѣется въ полномъ порядкѣ свидѣтельство о прививкѣ оспы? Какъ изгнать Ивана Ивановича Фандерфлита, если онъ женатъ на теткѣ Воронцова?

Разберется, разберется во всемъ этомъ тотъ, кому вѣдать надлежитъ, плонеть, да и скажетъ:

— Чортъ съ ними! Пусть живутъ. А то еще — вышлешь — неприятностей не оберешься.

Голосъ изъ окопа.

Когда человекъ стошнить, то нѣтъ той силы, которая удержала бы человекъ отъ всего дальнѣйшаго...

Это — стихійно:

„Мы устали отъ гимновъ „Боже, накажи Англію“, — пишетъ нѣмецкій унтеръ-офицеръ съ западнаго фронта въ открытомъ письмѣ въ „Berliner Tageblatt“. Онъ обращаетъ вниманіе на „безвкусоность“ патриотическихъ сувенировъ, которыми родственники и знакомые засыпаютъ нѣмецкихъ солдатъ:

„Лавина „Liebesjaben“, получаемыхъ нами, за которые мы, разумѣется, благодарны, состоитъ въ большинствѣ изъ предметовъ, кажущихся намъ безвкусными и шовинистическими. Если въ основѣ ихъ лежитъ и патриотическое чувство, то во всякомъ случаѣ ложно понятое. Я видѣлъ, напримѣръ, трехцвѣтные амулеты изъ національныхъ нѣмецкихъ цвѣтовъ съ надписью: „Чѣмъ больше враговъ, тѣмъ больше чести!“.

Это — нѣмецкая поговорка...

А вотъ русская, — болѣе мудрая: „Что за честь, когда нечего ѣсть!“

И еще пишетъ нѣмецкій унтеръ-офицеръ:

„Боже, покарай Англію“ — этого выраженія мы не слышимъ на полѣ битвы, потому что мы посланы сюда не для глупыхъ выкриковъ; но оно наводняетъ траншеи, катаясь со всѣхъ сторонъ выбитымъ, выгравированнымъ или отпечатаннымъ на письмахъ, открыткахъ, картинахъ, газетахъ, папирозныхъ и сигарныхъ коробкахъ. Еще болѣе безвкуснымъ кажется мнѣ — присылать намъ носовые платки съ изображенными на нихъ портретами національныхъ героевъ. Не вижу ничего пріятнаго въ томъ, чтобы солдатъ сморкался въ усы Гинденбурга или въ подбородокъ Макензена“.

Впрочемъ, если обозъ съ этими платками попадетъ русскимъ въ плѣнъ и они обратятъ эти платки на свои надобности, — нѣмцы могутъ утѣшать себя, что они фигурально утерли русскимъ носъ своими полководцами.

Розетки 1915 года.

Умный человекъ найдетъ выходъ изъ всякаго положенія:

Сообщаютъ, что германскія власти запретили въ Бельгіи ношеніе розетокъ съ національными итальянскими цвѣтами. Тогда бельгийцы стали носить въ петлицахъ маленькія макароны въ знакъ единенія съ Италіей. Бельгійскій губернаторъ противъ этого уже ничего не можетъ сдѣлать.

Какъ ничего не можетъ сдѣлать? А общая реквизиція новыхъ розетокъ, какъ съѣстныхъ припасовъ, — это, по-вашему, собака?

Да у нѣмцевъ питаніе сейчасъ организовано такъ, что они прямо съ лацкановъ на бельгійскихъ грудяхъ будутъ объѣдать макароны!

Вагнеріанцы.

Недостатокъ у нѣмцевъ мѣди вызвалъ своеобразную реквизицію: реквизированы всѣ духовые инструменты, при чемъ начало сдѣлано въ Байрейтѣ, въ музыкальномъ арсеналѣ Вагнера.

Эта реквизиція имѣетъ свои логическія основанія...

Дѣйствительно: до игры ли тутъ?

Въ Сухой Терешкѣ.

Стоило уйти изъ еженедѣльныхъ журналовъ объявленіямъ о предупрежденіи несчастныхъ случаевъ съ нѣкоторыми женщинами, какъ появились печальные результаты.

Въ „Сарат. Листкѣ“ разсказывается про такой случай:

Въ Сухой Терешкѣ 40-лѣтняя Горюнова, желая избавиться отъ беременности, купила, по совѣту Савенковой, у проѣзжаго торговца какой-то порошокъ. Дома порошокъ она высыпала въ горшокъ съ горячими углями, на который и сѣла. Черезъ часъ несчастная женщина умерла.

Князь Буловъ, который долгое время сидѣлъ на горячихъ угляхъ въ Италиі, гораздо живучѣе бабы изъ Сухой Терешки: онъ не только не умеръ, но спокойно устроился въ Берлинѣ, откуда шантажируетъ своихъ бывшихъ друзей-нейтралитовъ.

Пророкъ Енохъ.

Все мельчаетъ...

И даже пророки, не въ примѣръ древнимъ, измельчали и облеклись въ кавычки:

На-дняхъ въ Ростовѣ арестована шайка желѣзнодорожныхъ воровъ, го главѣ которой стоялъ извѣстный поддѣлыватель желѣзнодорожныхъ накладныхъ и др. документовъ на получение желѣзнодорожныхъ грузовъ, казакъ Иванъ Хромота.

Хромота много лѣтъ провелъ въ тюрьмѣ и среди уголовныхъ арестантовъ извѣстенъ подъ кличкой пророка Еноха.

Попавъ въ екатеринодарскую тюрьму, Хромота вдругъ впалъ въ мистицизмъ. Называя себя „пророкомъ Енохомъ“, онъ началъ проповѣдывать среди заключенныхъ „духовное очищеніе постомъ и воздержаніемъ“. За недѣлю до побѣга изъ екатеринодарской тюрьмы онъ послалъ изъ тюрьмы на имя судебныхъ властей прошеніе, которое заканчивалось такъ:

„Если духъ зла воспрепятствуетъ моему освобожденію, то я, какъ эфирное существо, освобожусь самъ, такъ какъ путемъ очищенія и воздержанія человѣкъ очищается и превращается въ эфиръ. Да сбудется реченное пророкомъ. Пророкъ Енохъ.“

Справедливость требуетъ отмѣтить, что въ этомъ мѣстѣ пророкъ Енохъ совралъ самымъ не-пророческимъ образомъ. Хотя онъ себя и назвалъ въ прошеніи эфирнымъ существомъ, но бѣжалъ изъ тюрьмы, какъ всякое существо изъ мяса и костей: подпилить рѣшетку.

Поймали это эфирное существо и снова посадили за рѣшетку.

Ибо забылъ пророкъ Енохъ, что „нѣтъ пророка въ отечествѣ своемъ“.

ЦАРЬ ПРИРОДЫ.

Онъ подошелъ ко мнѣ на берегу рѣки, поклонился и, подойдя вплотную, заботливо снялъ съ моего рукава пушинку.

— Спасибо!

— За платьемъ уходъ нуженъ... Сегодня пушинка, завтра пылинка, послѣзавтра моль, — глядишь: вещь — какъ рѣшето, возьми и брось!

Онъ захватилъ указательными и большими пальцами полу моего пиджака и сталъ тереть сукно.

— Вотъ!

Я оглядѣлъ его съ ногъ до головы и потянулся за кошелькомъ. Онъ остановилъ мое движеніе и сказалъ:

— Денежная благодарность не принимается!.. Вещь — какъ человѣкъ: требуетъ заботы о себѣ... Допустимъ, человѣкъ привыкъ курить, отнимите у страстнаго курильщика сигару, папиросу, «собачью ножку» — и человѣкъ этотъ можетъ пропасть. А почему? Потому что его организмъ уже требуетъ... Или...

Онъ отвелъ взоръ въ сторону, понизилъ тонъ:

— Если человѣкъ привыкъ къ рюмочкѣ, то...

Онъ вздохнулъ и, взявъ меня за лацканъ, поставилъ вопросъ ребромъ:

— У васъ есть спиртъ?

— Есть.

— Н-ну?! Ей Богу? — оживился онъ.

— Нашатырный.

Его оживленіе погасло. Онъ прикрылъ нижней губой верхнюю и задумался.

— Хотите? — спросилъ я.

— А его развѣ можно пить? — недовѣрчиво спросилъ онъ.

— Конечно.

— Какъ же его пьютъ?.. Вѣдь можно отравиться... Какъ пьютъ?!

— Просто. Налиютъ въ стаканчикъ или въ рюмочку, а то совсѣмъ просто изъ бутылочки... Лютъ прямо въ горло, а потомъ...

Я оборвалъ на полусловѣ и замолчалъ.

— А потомъ?

— ...А потомъ въ пріемный покой, оттуда либо въ больничную палату, либо въ больничную мертвецкую.

Онъ сердито отмахнулся.

— Я думалъ — вы знаете какой-нибудь способъ перегонки!..

— Это единственный способъ перегонки.

Надежда затеплилась въ его глазахъ:

— Какой?

— Изъ бутылки въ горло. Изъ горла въ желудокъ. А тамъ ужъ вмѣстѣ съ желудкомъ на койку или въ гробъ.

— Слышалъ ужъ!.. Нѣтъ ли у васъ денатурата?

— Есть.

— Честное слово?!

— Честное слово!

— Пьете?

— Нѣтъ, жгу его.

— Дадите?

— Для чего?

— Для замѣны...

— Не дамъ. Отравитесь... или ослѣпнете.

— Одну рюмочку!

— Нѣтъ!..

— Я вамъ отслужу!.. Не хотите ли щенка?.. Нѣтъ?.. Породистый, отъ премированной матери... А то канарейку, не подъ дудочку училась пѣть, честное слово, подъ перво-классную пѣвунью, которой цѣны нѣтъ!..

— Не дамъ!

— Подумайте: я рюмочку хлопъ! и готово, а канарейка вамъ годами пѣть будетъ... Какъ хотите! Подумаешь, тоже невидаль: денатуратъ!.. Да я до войны калашъ своихъ изъ-за его запаха мыть бы не позволилъ!.. А раньше!.. Иной разъ на платьѣ, на обуви, на ѣдѣ съэкономишь, а выпивонъ первый сортъ: и тебѣ финь-шампань, и тебѣ ликеры, и тебѣ зубровка, и крюшончи-чи-чикъ!.. Эх-ма!

Онъ зажмурился и передернулъ плечами.

— Ну, вотъ, видите, а вы изъ-за такой дряни, какъ денатуратъ, съ породистымъ щенкомъ разстаться хотите.

Онъ покусалъ губу, провелъ по ней пальцемъ и сказалъ:

— Если вы вѣрующей, я могу поминать васъ въ своихъ молитвахъ.

— Благодарю васъ: денатурированные моленія врядъ ли доходятъ до неба.

— Сомнѣваетесь?

— Сомнѣваюсь.

— Можетъ быть, вы хотите обругать меня — я гарантирую вамъ безответственность...

Онъ стыдливо прикрылъ ладонью глаза и прошепталъ:

— Можете ударить... по лицу... выдамъ записку о немѣннѣи претен...

— Бросьте!.. Противно вѣдь слушать!

Густая волна крови покрасила его шею, лицо и лысину. Онъ быстро-быстро заморгалъ. Вытеръ вспотѣвшій сразу лобъ и тихо, жалобно сказалъ:

— Мѣста себѣ не нахожу!.. Все передъ глазами графинчикъ съ живительной влагой... и соленькій огурчикъ...

— Соленькій огурчикъ я вамъ дамъ съ удовольствіемъ... Пойдемте ко мнѣ.

— Спасибо... Нѣтъ ужъ, не надо: къ чему будить воспоминанія!.. Я вѣдь съ тѣхъ поръ и не ѣлъ огурчика... Вежелать пиль, ханжу пиль, уксусъ пиль, одеколонъ пиль, политуру пиль... Рецепты поддѣлывалъ на краденыхъ бланкахъ...

Осторожно положилъ руку мнѣ на плечо и вкрадчиво сказалъ:

— ...Дорогой мой, одну рюмочку!.. Честное слово, не отравлюсь и не ослѣпну! А не дадите — удавлюсь, оставивъ записку, что вы повинны въ моей смерти: пусть васъ потаскаютъ на допросы...

— Угроза?.. Пожалуйста!.. Давитесь!!

— Нѣтъ, не угроза — отчаяніе!.. Что можетъ быть тяжелѣе отчаянія?! Ни одно животное въ мірѣ не знаетъ чувства отчаянія... Только царь природы — человѣкъ знаетъ его...

Когда мы пришли ко мнѣ домой, я не глядя на него, протянулъ ему рюмочку денатурату.

— Пейте, царь природы!

По привычкѣ «добраго, стараго времени» онъ поглядѣлъ черезъ нее на свѣтъ:

— Ваше здоровье!

Я отвернулся.

Исидоръ Гуревичъ.

НА НЕВСКОМЪ.

Онъ: — Я думаю, что теперь, когда бѣлыя ночи кончились, твой заработокъ понизился?..

Она: — Почему?

Онъ: — Очень просто: темно. Лица не видно.

Она: — О, нѣтъ! Наоборотъ! Теперь заработокъ повысился.

Онъ: — Почему?

Она: — Очень просто: темно. Лица не видно.

НЕОТРАЗИМЫЙ.

„Гл. Штабъ покорнѣйше просить молодежь не утруждать вниманія Гинденбурга мириадами любовныхъ записочекъ и пылкихъ объясненій въ любви“. (Изъ нѣмецкихъ газетъ.)

Сколько ихъ, восторговъ сердца,
Грозь, порывовъ, бурь и грезъ —
Штуде, Бруде, Шмерке, Шмерце,
Карловъ, Фрицевъ, Минъ и Розъ.

Вотъ отъ нѣжнаго Карлуши,
Вотъ отъ Фрица храбреца —
Ихъ разстегнутыя души,
Ихъ раскрытыя сердца.

— «Душка! Возьмете Варшаву, —
Вышлите мнѣ ридикуль.

Въ вашу влюбленная славу,
Розочка Пфуль».

— «О Помпей, герой Мааса!
Ипускаю завтра духъ, —
Я отъ голода распухъ.

Гимназистъ II класса
Фридрихъ Бухъ».

— «Храбръ солдатъ, а шишки Штаба
Словно кролики бѣгутъ.

Ты жъ совсѣмъ трусливъ, какъ баба!
Эхъ, ка бы я-ба, всѣхъ-ба я-ба!..
Гейнрихъ Шмюгъ!»

— «Нѣтъ у насъ болѣе папы, —
Брошенный, умеръ отъ ранъ.

Ты же все «бьешься» чурбанъ!?
Ну, понадись ты намъ въ лапы,
Геній отравы и сапы,
Храбрый кабанъ!..»

— «Толстая сосиска
Русскимъ на обѣдъ, —
Шлемъ привѣтъ,
Кланяемся низко,
Кланяемся низко...»

Старые посѣтители виннаго
погребка «Добрый буршъ».

Роза, Грета, Марта, Мина,
Шульце, Штубе, Грубе, Бухъ...
Карль, полънъевъ для камина, —
Ишь, потухъ.

— Ангель! Милка!.. Крошка!.. Душка!
Сколько ихъ, и Мартъ, и Минъ!..
Разожги-ка, братъ Карлушка,
Ихъ порывами каминъ!..

Дрызгунова Сыновья.

ГОТОВИТСЯ КЪ ПЕЧАТИ НОВАЯ КНИГА

Аркадія Аверченко:

„ЧУДЕСА ВЪ РЪШЕТЬ“.

Почтовый ящикъ НОВАГО „САТИРИКОНА“.

(Непринятые рукописи не возвращаются по почтѣ, даже при условіи присылки марокъ.

Редакція не принимаетъ на себя обязательства давать письменные отвѣты на запросы случайныхъ сотрудниковъ. Рукописи, не востребованныя въ теченіе 3-хъ мѣс., уничтожаются.)

А. Петроградъ.

Оказову. — „Посылая стихи, долженъ признаться, что я очень люблю вашъ журналъ...“

Къ сожалѣнію, журналъ не можетъ отвѣчать вамъ взаимностью. Сердце его занято другими поэтами. Болѣе талантливыми.

Двѣ строки „изъ Оказова“ объяснять, мы надѣемся, нашъ отвѣтъ:

„Приложилъ къ щекѣ онъ длань,
Щека вспухла, какъ Монбланъ.“

Правда, поэтъ мыслить образами, но не такими же нелѣпыми...

Саперн. — Че. Бе. Ка. „Сегодня, — пишетъ Че. Бе. Ка. — у меня впервые выросъ (?) на головѣ сѣдой волосъ...“

Не объясняется ли столь быстрый ростъ волосъ тѣмъ, что вамъ обильно льютъ на голову холодную воду?

Разсказъ тоскливъ до слезъ.

Жану Коришину. — Спрашиваетъ Коришинъ: „Не пригодится ли для вашего журнала такая голова, какъ моя?“

А зачѣмъ? Нѣтъ, не пригодится.

Бородинскій — N. N. Z. — Хорошія острооты цѣнятся теперь на вѣсь золота:

„— Послушайте, почему на этой двери написано: „0—0“?“
— А это значитъ: 0—0, какой ты дуракъ!“

Тонкая острога.

А гдѣ тонко, тамъ и рвется.

Зудотъшину. Г. Алексѣеву. — Не подошло.

Б. Москва.

Буйному. — Не подошло.

В. Провинція.

Двинскъ. — Розовенькой. — „На меня теперь очень часто нападаетъ вдохновеніе“.

Желательно, чтобы оно эти бессмысленныя нападки прекратило.

Въ простр. — Пассажиру вагона № 342.

... И бѣдный лавочникъ
Тутъ головой поникъ,
А покупательница сига схватила?
И была такова!“

По всему видно, что стихи эти написаны вами въ моментъ крушенія поѣзда, въ которомъ вы ѣхали.

Рязскъ. — Октаву. — Щегольнуть остроумнымъ словечкомъ — очевидно, страсть Октава:

— Какая разница между рукой и ногой женщины?

„Если вы поцѣлуете ей руку, она васъ не ударитъ ногой, а если поцѣлуете ей ногу, она васъ ударитъ рукой“.

Это, конечно, возможно. Нехорошо только, когда бьютъ по головѣ. Это отражается на творчествѣ.

Омскъ. Антону Сорокину. Имѣніе „Огничное-Цуриково.“
Юрію Дегенъ. — Липта. Арсенію Рязвякову. Е-рѣ Б. Г. Г. Преображенская. Вас. Александровичу. Въ пространствѣ. Idus'у. Витебскъ. Вл. К-ву. — Алушта. Элеву. — Кіевъ. Г-ну Василенко. — Черняево. З. С. А. М. „Тоско“. — Харьковцу: И. Н. А. Все присланное не подошло.

Ave.

Редакторъ А. Т. Аверченко.
Издатель Т-во „Н. Сатириконъ“.

3-й годъ изданія.

ПРОДОЛЖАЕТСЯ ПОДПИСКА

на еженедѣльный журналъ САТИРЫ и ЮМОРА

3-й годъ изданія.

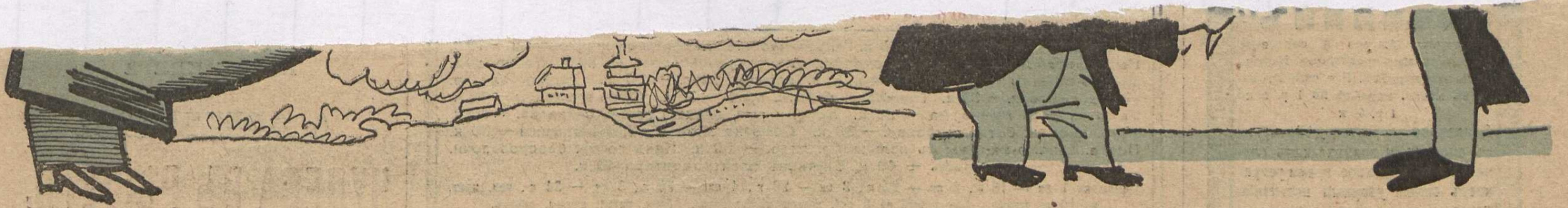
3 ЦѢННЫХЪ ПРЕМІИ

„НОВЫЙ САТИРИКОНЪ“

3 ЦѢННЫХЪ ПРЕМІИ

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА: на годъ (безъ доставки) 6 руб. Съ пересылкой и доставкой 6 руб. 50 к., на полгода 3 руб. 25 к., на 3 мѣс. 1 руб. 75 коп., на 1 мѣс. 60 коп.

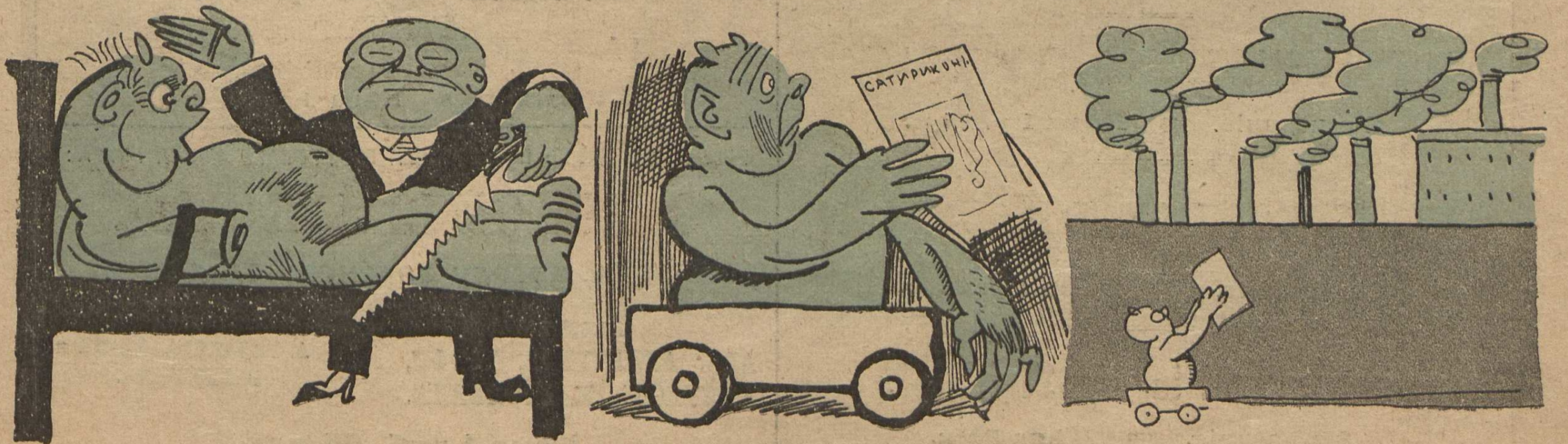
Адресъ конторы и редакціи: Петроградъ, Невскій, 88. Телефонъ № 59-07.

Печать — это рупоръ, передающій настроенія страны. Помните это!
И не надо дѣлать его фунтикомъ, въ которомъ обывателю подносится дрянъ. И это помнить надо.

Опасный симптомъ, когда Г-жа Газета начинаетъ страдать черною оспой.
И замѣна черной оспы бѣлой еще не показываетъ, что все обстоитъ благополучно! Опытный врачъ можетъ узнать о здоровьи печати по языку. У оспенной печати онъ почти всегда здоровый.

Да, дѣточки-читатели, и „Сатирикону“ часто, охъ, часто приходится ложиться на Прокрустово ложе: есть такой отель для прїѣзжающихъ журналовъ на Театральной улицѣ.

И повѣрьте мнѣ, читатели, что выѣздъ въ свѣтъ я предпочиталъ бы выходу.

А потому ему часто бываетъ трудно заглянуть даже не черезъ высокій заборъ. Такъ-то!

ПИЧИЛИНЪ
 дѣйствуетъ быстро и считается рациональнымъ средствомъ. Наставленіе при коробкѣ. Нас ояцій только въ метал. коробкѣ по 1 р. и по 1 р. 80 к.
 Одинаково хорошо дѣйствуетъ въ острыхъ и храническихъ случаяхъ и въ короткое время устраняетъ самыя упорныя истеченія.
 ДЕПО: Петроградъ, Разъѣзжая ул., 7, аптека В. Конгейма.
 Продается во всѣхъ аптекахъ по рецептамъ врачей. (27-ч. в.)

Домашній электротехникъ — 30 к. Гальваническіе элементы съ жидкостями — 40 к. Гальваноластикъ — 40 к. Постройка мал. аккумуляторовъ — 30 к. Постр. мал. динамо-машины — 30 к. Постр. мал. электр. двиг. — 30 к. Дешев. электр. освѣщ. лампочк. — 30 к. Никкелир. собств. приб. — 30 к. Сухіе элементы — 30 к. Устр. спирали Румкорфа — 30 к. Пров. и рем. электр. звонк. сигнализ. — 30 к. Устр. карман. батар. и фонар. — 30 к. Обмотка якорей динамо-машины — 30 к. Постр. динамо-машины съ кольцеобр. якор. — 50 к. Какъ постр. безпроводн. телеграфъ — 40 к. Спутникъ электромонтера 40 к.
 Пересылка 1 кн. — 18 к., 2 кн. — 22 к., 3 кн. — 26 к., 4 кн. — 30 к., 5 кн. — 34 к., нал. плат. на 10-к. дорожк. При заказѣ на 3 руб. пересылка безплатно. Полн. катал. высыл. даромъ.

Высылаетъ техническій книжный складъ М. ПЕТРОВА.
 Петроградъ, Б.-Подъяческая ул., 19. ☆ Москва, Волконка, 1 уг. Знаменки.

НОВАЯ КНИГА
А. АВЕРЧЕНКО:
ЧУДЕСА ВЪ РЪШЕТЬ.
 Цѣна 1 р. 25 к.

ИЗДАТЕЛЬСТВО „НОВЫЙ САТИРИКОНЪ“.

Петроградъ, Невскій пр., 88. — Телефонъ 59-07.

Выписывающіе со склада издательства за пересылку не платятъ. Суммы до 10 руб. можно высылать марками почтовыми и гербовыми.

АРКАДІЙ АВЕРЧЕНКО.

О хорошихъ въ сущности людяхъ.

7-е изданіе. = Цѣна 1 р. 25 к.

КРУГИ ПО ВОДѢ.

16-е изданіе. = Цѣна 1 р. 25 к.

ЧЕРНЫМЪ ПО БѢЛОМУ.

6-е изданіе. □ Цѣна 1 р. 25 к.

САТИРИКОНЦЫ ВЪ ЕВРОПѢ.

2-е изданіе. = Цѣна 1 р. 25 к.

ВОЛЧЬИ ЯМЫ.

3-е изданіе. = Цѣна 50 к.

ТЭФФИ.

ДЫМЪ БЕЗЪ ОГНЯ.

6-е изданіе. — Цѣна 1 р. 25 к.

НИЧЕГО ПОДОБНАГО.

Цѣна 1 руб. 25 коп.

И СТАЛО ТАКЪ.

6-е изданіе. = Ц. 1 р. 25 к.

КАРУСЕЛЬ.

3-е изданіе. * Цѣна 1 р. 25 к.

ВЫШЛА ВЪ СВѢТЪ И ПОСТУПИЛА ВЪ ПРОДАЖУ НОВАЯ КНИГА:

ОСИНОВЫЙ КОЛЪ.

(На могилу зеленаго змія.)

Текстъ:
 АРК. АВЕРЧЕНКО, ТЭФФИ,
 А. БУХОВА, И. ГУРЕВИЧА.

Иллюстраціи:
 А. РАДАКОВА, РЕ-МИ и
 В. ЛЕВЕДЕВА.

Цѣна 1 руб. 25 коп.